

ответ: Меня спросили: «Вы хотите узнать?» Они же сейчас все как-то раскалывались. Я говорю: «Зачем? Узнать, что каждый третий был осведомителем?» Нет, меня это особенно не трогает. Я писала и писала. Это — обязательно. А с ними дела не имела. Но все-таки нужно было себя так настроить, чтобы их не бояться. И не утратить достоинства. Они же как-то со мной пытались соотноситься. Могли награждать. Или пугать. Или утешать. А самым примитивным способом наказывать или развращать являлась заграница. Однако я смолоду решила, что никогда не надо думать: поедешь — не поедешь? Такого искушения для меня быть не может. А ведь на этом многие рушились. Понимаете, человеку, действительно, тесно. У него нечто вроде клаустрофобии начинается. Почему — нельзя? У меня этого не было. Я же беспрерывно за кого-то заступалась. И сразу: «Никуда, никогда...» Ну и ладно. Страна большая.

Был такой Виктор Николаевич Ильин в Союзе писателей. Куратор от КГБ. Генерал. Чего не скрывал. Однажды он ко мне подсел и говорит: «Первый раз прощается. Второй раз запрещается. А на третий — навсегда! — закрываем ворота». Я храбро состригла: «Посольские?» — «А ты, — он мне «ты» говорил, — думаешь, нет? Такая недотрога?» Безусловно, это наводило на некоторые тревоги. Но и воспитывало: «А вы попробуйте!»

вопрос: Вы так сказали?

о: Нет. Я так себя вела.

в: Какие чувства вы испытываете к нынешнему времени?

о: Сознание, что позади понастоящему жуткие времена, делает взгляд на сегодняшний день менее драматичным. Однако истребление духа, культуры, светлого разума, которое педантично совершалось в России с семнадцатого года, бесследно не проходит. Я радуюсь, когда вижу невинную раскрепощенную молодежь, очаровательных мальчиков и девочек на роликах. Счастье, что они не знают прежнего устройства. Но знают они его или нет — генетический слом остается в человеке. Чтобы возродить нацию, нужно огромное время. Дух, разум, грамотность души быстро не восстанавливаются. Убыль нации неисчислима. Конвоир остался. Он жив. У него орден на груди или медаль. И потомство у него есть — дети, внуки. А ээк где? Никто не знает. Даже такой именитый ээк, как Мандельштам. Истребление нации разными способами — это и есть вырождение народа. Почему убивают негров? Кто они такие, эти жестокие люди? Кто? Вырожденцы и есть. Увы, это вырождение — оно заметно. Такая рана оставлена на судьбе. И это не может не причинять боль и не печалить.

в: Насколько вас интересует политика? Следите за новостями? Знаете, что такие, например, Слиска, Грызлов, Селезнев? Эти люди вам любопытны? Или — никак?

о: Не могу заведомо сказать, что совершенно всего этого чужда. Или презираю. Я немного смотрю телевизор. Как можно быть безразличной к происходящему? А какие фамилии вы называли? (Вежливо). Слиска? Не слышала.

Кричит мужу в соседнюю комнату: «Борь, ты знаешь?» Из своего кабинета выходит Мессерер и во время «политического» части беседы остается в качестве крошечной «группы поддержки»: «Я знаю». Ахмадулина наигранно возмущается: «Надо же! Смотрит только футбол, а всех политиков знает».

в: В вашей душе и стихах особое место всегда занимала Грузия. В какой мере отдаление Москвы и Тбилиси болезненно для вас?

о: Я вечность не была в Тбилиси, который некогда любила как ни одно другое место на земле. Но, вы знаете, грузины меня не забыли. Во время визита Михаила Саакашвили в Москву нас с Мессерером позвали на прием в посольство. Поднимая тост, Саакашвили сказал: «Не думал, что буду иметь честь сидеть за одним столом с Беллой Ахма-

дулиной». Я учтиво поблагодарила, а Боре потом сказала: «Ручаюсь, нынешнего грузинского президента растила бабушка. Она его целовала, гладила: «Мишико, любимый, съешь еще кусочек, пожалуйста. Умоляю». Он немножко избалованный. Но Америка не станет долго относиться к Саакашвили как бабушка. Так же не жидить, ласкать».

Ахмадулина едва заметно усмехается. И кому, кроме пожилой переделкинской сторожихи, придет в голову странная мысль, что «Ахатовна — не от мира всего»!

в: Скажите, демократы первой волны вызывали у вас больше эмоций, чем нынешние?

о: Я обожала Галину Старовойтову. Испытывала к ней огромную нежность. Такая женщина-рыцарь. Следовало сказать: «Бросьте политику. Всё это пустое». Не сказала. И вот как оно кончилось.

На правах более политизированного в семье Мессерер под-сказывает: «Скажи, что любишь Чубайса. С уважением к нему относишься. Он очень помогал Булату Окуджаве. И тебе все время присылает поздравления».

о: Хорошо (кратко соглашаясь). Чубайс пишет мне ко всяким праздникам. Только я не могу ему ответить. Адреса не знаю. А он почему-то знает. И еще от кого-то приходят поздравления... (Мессерер подсказывает: «От Миронова»). Точно, от Миронова. Но того я не знаю, а Чубайса знаю. На мой взгляд, симпатичный человек.

в: Вы прошли, как многие интеллигенты, путь от восхищения младореформаторами до разочарования в них? Или, как человек зоркий, насмешливый, всегда замечали их слабые стороны?

о: Можно восхищаться поэтом. А политиком, по-моему, всерьез восхищаться нельзя. Спросите у зверя: он восхищается охотником? Нет. Ибо всегда так или иначе жертва. Но в целом мы с Борей очень хорошо относились к Борису Николаевичу Ельцину.

в: А к Горбачеву?

о: Тоже хорошо.

в: Верно, что в начале 2000 года вам предложили участвовать в предвыборной кампании Путина?

о: Было предложение.

в: И вы тогда отказались, произнеся: «Я не знаю, кто это». А сейчас — знаете?

о: Я вглядываюсь. Говорю не про какие-то тонкости образа, которые имеют меньшее значение. Для меня важно, как деятельность этого президента скажется на положении людей. Для меня лично важно. Поэтому отношусь с пристальным вниманием.

**«Подлец не прощает
вас своего падения»**

в: Известно, что вы поддерживаете отношения с Солженицыным. Как давно виделись?

о: Относительно недавно. Александр Исаевич сейчас редко выезжает из Троице-Лыкова. Но тут они с Натальей Дмитри-

евой были в Москве и пригласили нас в гости. Александр Исаевич подарил мне книгу и написал: «Целую Вашу руку». Но не важно обо мне. Важно, что мы от Натальи Дмитриевны знаем: он чувствует себя все-таки хорошо. Сначала, когда Солженицын сказал: «Я спокоен. Я уже сделал всё, что мог и что нужно», то есть считал себя как бы свободным, это встревожило. А теперь я спросила Наталью Дмитриевну, она ответила: «Да нет, он говорит: «Еще не всё». К столу идет». И это счастье.

в: Вы снисходительны к людям?

о: Думаю, да. Допустим, человек в чем-то там согрешил. Ну и пусть: все мы грешники, я во всяком случае. Но есть некоторые черты, которые непереносимы. Это — когда руку не можешь подать. Когда — подлец. С такими я не вступаю ни в какие даже помыслы.

в: Вам принадлежат часто цитируемые строки: «К предательству таинственная страсть». Что побудило их написать? Вы испытали на себе чье-то вероломство, черную неблагодар-

Белла Ахмадулина:

«Мне кажется, я скоро стану писать о неграх»

ность или, чтобы так почувствовать, достаточно догадки, воображения?

о: Эти слова впрямую связаны вот с чем. Я была студенткой Литературного института, когда шел разгром Пастернака за «Доктора Живаго». Я отказалась подписать обличительное письмо, за что и была изгнана из института. А двое молодых людей (они со мной вместе учились, не раз бывали у Бориса Леонидовича, он их ласкал) побежали к Пастернаку просить как бы разрешения подписать. И шепотливейший Борис Леонидович сказал: «Конечно, подписывайте. Я не хочу увеличивать свои переживания». Думаю, низкий поступок однокурсников смутно послужил толчком для строк о предательстве. Хотя тогда не только эти двое — слишком многие вели себя недостойно.

в: Чтобы порвать с человеком, вам достаточно обычного разочарования, потери к нему интереса?

о: По-разному... К слову, те молодые люди сами прекратили со мной отношения. Вообще, по моему опыту — довольно долгому — я замечала: совершив дурной поступок, человек первым торопится порвать отношения. Он не прощает вам своего падения.

в: Черт с ними, с подлецами. Давайте лучше поговорим о ваших друзьях...

о: Моим ближайшим другом был Булат. Такая дружба — награда человеку, если он ведет себя прилично. Мне очень не хватало Володи Высоцкого, Жоры Владимирова. Но у меня остались Войнович, Аксенов. И, конечно, счастливейшая из дружб — с Андреем Битовым. В апреле справлял мой день рождения. Я не хотела никого звать. Отмечать-то нечего (зрительно). Друзья настояли. Попадете к нам — теперь я бы сказала — на скромное литературное застолье, специально поговорите с

Битовым. У него совершенно пушкинский склад ума. Андрей чудесно мыслит, по-пушкински игриво. И одновременно здраво. И это не навязчиво и не заунывно. Ибо видели мы умника, с которым рюмку нельзя выпить!

в: Вам близка мысль, что уныние — грех. Следуя логике, самые большие праведники у нас — Петросян и Регина Дубовицкая. Смотрели по телевизору? Или «Аншлаг» для вас ассоциируется с поэтическими вечерами в Лужниках и Политехническом?

о: Я даже не собираюсь об этих юмористах рассуждать. Не хочу про них говорить.

**«К редким,
весьма редким
союзам мужчины
и женщины
относится
вот что: когда
подлинно умеют
жалеть»**

в: Но возвращался к аншлагам. Как часто вы сейчас выступаете?

о: Очень редко.

в: Это собирает залы?

о: Представьте. Я не могу пожелать на невнимание. Слышала, некоторые поэты боятся выступать, полагая, что успех имеют только те, кто поет и пляшет. Или вот этот страшный юмор, который мы косвенно... **в:** ...осудили

о: Нет, мы не осуждали (смеется). Мы коснулись. Особенно меня пугает даже не сам юмор, а вдруг распахнутые рты хохочущей публики. Что они слушают? Что с ними, бедными?

в: «Я счастлива в браке» — это ваши слова. В таких случаях

обычно женщины не нуждаются в подругах. Их заменяет муж. А как у вас?

о: К редким, весьма редким счастливым союзам мужчины и женщины относится вот что: когда подлинно умеют жалеть. Я не про себя сейчас говорю. Но так было бы правильно для союза мужчины и женщины. Которые всегда трудны. Сюда входит всё. И соперничество, и ревность, и капризы того или другого. Однако мужчина должен быть старше. Даже если он моложе. И жалеть женщину, как будто она еще и дитя его (вздыхает). Вот Боря и возится со мной.

в: Что для вас дом — эта квартира на Ленинградском проспекте, мастерская мужа на Поварской или пределькинская дача на улице Довженко?

о: В Переделкине сейчас мои дети. Раньше я любила там жить. Много писала. Но мой любимый дом был, конечно, на Поварской. Мы с Борей прожили в его мастерской 20 лет. Там вообще всё — и «влюблена была», и «Метрополь», и Володя Высоцкий, и Веничка Ерофеев... Но потом что-то изменилось. Оказалось, жить так сложно. Мастерская — она и есть мастерская. Боря работает. Станки стоят, рамы, картины. А на Ленинградке... Ну, живу...

в: Бывает, что ничего не делаете? Что тогда делаете?

о: (Смеется) Сознаю, что поступаю дурно. Потому что мне надо и квартиру убрать, и что-нибудь приготовить. Нет, готовить я все-таки готовлю. Коротушку не люблю чистить. Говорю мужу: «Купи такую, которую не чистят». По ночам, если лежу и лежу в темноте, мозг думает о мозге. О ненаписанном, несбывшемся, о былом, о грехах. И это ничегонеделанье — оно самый тяжелый труд и есть.

На этих словах в комнату, запыхавшись, вбегает великолепный золотисто-персиковый

шарпей. В отличие от Бориса Асафовича Мессерера, давно деликатно удалившегося в кабинет, собака — все время фамильярно присутствует при беседе. Вот и теперь, коротко приласкавшись к хозяйке, Гвидон усаживается подле нее. Прежняя тема охотно заброшена, разговор с нескрываемым удовольствием переключается на красавца шарпея.

Гвидон в Боре просто души не чаёт. А поскольку Гвидон — китаец, то и обожает хозяина как-то по-китайски. Преклоняется. Это его бог. Я вам сейчас расскажу, как он ходит к старой Бориной машине. Когда мужу пытаюсь передать эту сцену, он просит: «Умоляю, не надо. Не разрывай мое сердце». А дело в том, что Гвидон к этой машине ходит, как в церковь. Нынешней зимой в холода она простояла под снегом. Но прежде Гвидонша в маленькой «Шкоде» проводил много времени. И вот он вкрадчиво к ней подступает, медленно наклоняется, задумчиво нюхает, нюхает. Он еще не в курсе, что Боря купил новый автомобиль. Надо сшить чехлы, чтобы можно было пускать туда Гвидона. Но собака явно что-то чувствует. Приглядывается к незнакомой машине, будто знает, что между ними есть связь. Вопросительно смотрит на меня. Я подтверждаю: «Твоя, Гвидонша, твоя».

Если собственное имя, как утверждают психологи, самый сладостный звук, то этой частью интервью Гвидон должен быть восхищен. Но довольно. Надо быть скромнее. И мы возвращаемся к Белле Ахатовне.

в: Вы всегда щегольски одеты. Такое впечатление, что, как английский джентльмен, дома переодеваетесь к обеду.

о: (Смеется) Так следовало бы... Я люблю одеваться. Привыкла. Надо иногда пофорсирить.

в: Время, когда больших поэтов почти не печатали, зато относились к ним как к небожителям, не кажется вам, Белла Ахатовна, лучше, чем нынешнее, когда даже в продвинутых компаниях всерьез обсуждают «Ночной дозор» Лукьяненко или Пелевина с его «ДПП(нн)»?

о: «Ночной дозор» это не только книга, но и фильм, да? Я не читала и не видела. Пелевина тоже не стала читать. Но время здесь ни при чем. Сама его длительность предлагает человечеству разные шедевры своих достижений. Только Ахматова и Пастернак останутся во все эпохи, а про названных авторов я не знаю. Но, полагаю, они не могут быть признаками времени — лишь его деталями... Вот придумали шпучку (с некоей опаской берет в руки цифровой диктофон). Замечательная вещь, но это не означает, что она есть совершенство времени.

**«Я никому ничего
не предлагаю.
Это они просят»**

в: Как часто выходят ваши книги? Их пиражи?

о: Это вопрос к Боре. Я за этим не слежу. Но что-то выходит. На днях он зашел в магазин купить мой сборник. Чтобы дарить. Спрашиваю: «Еще есть?» — «Нет, последний экземпляр. Всё раскупили».

в: А гонорары-то вы получаете?

о: Тоже у Бори спрашивайте. Он — составитель. А у меня (приторно вздыхает) нету ничаво. Даже вот Госпремию в прошлом году дали — куда она разошлась? Вообще, я равнодушна к собственным книгам. Никогда по ним не скучала. Абсолютно не было навязчивой идеи: издаться, издаться! Наверное, это еще одно счастье: устройство организма. Печатают — не печатают... Да меня всегда не печатали. Если и промелькну где-то, смотришь: опять провинилась. Я так радовалась, когда в конце 70-х появился «Метрополь». Не за себя. Что другие могут напечататься. А я уже была. Но уж после «Метрополя» — под полным запретом! Даже имя запрещено к упоминанию.

в: Вы тогда надолго уехали в Тарусу...

о: Деваться-то было некуда. А там стоял Дом творчества

художников, и как «член семьи» я в нем поселилась. 80-й год был невыносимый. Смерть за смертью, отъезд за отъездом. Я горевала в Тарусе. И вдруг отошло. Смотрю, снег блистает, в конюшне — чудесный конь. Называется Мальчик. Художники рисуют. В мольбертах отражается солнце. С этого началось. Я что-то страшно возрадовалась жизни. Ко мне приезжал Булат. Боря, разумеется. Я стала много писать. Меня спрашивают: «Как вы жили?» — «Изумительно». Конечно, было что без денег. Или их совсем мало. Один раз приехала в Москву, стою в Новоарбатском гастрономе и считаю: десять копеек, двадцать... А тогда тоже были двое эстрадных артистов, изображавшие старух. Не таких омерзительных, как сегодня, а вполне милых. Они меня узнали и с недоумением спрашивают: «Белла Ахатовна, что вы делаете?!» Я отмахнулась: «Не сбивайте меня. И так трудно считать». Еле-еле хватило на двести граммов колбасы для мужа. Мы выжили. Боря хватался за любую работу. А Майя Михайловна Плисецкая дарила мне свои прекрасные вещи.

в: Случалось, что уже в наши дни вам отказывали в издании поэтического сборника — на том основании, что он «не рыночный»?

о: Я же никому ничего не предлагаю. Если бы я лезла повсюду, то, наверное, мне бы отказывали: «Идите вы! У нас другие авторы». Но я не лезу. Это они просят.

в: Все-таки просят?

о: Ну, Борю... Пусть он скажет.

Борис Асафович выходит из-за стола и возвращается с массивным благородным фолиантом: «Зная наше с Беллой совпадение, знакомство, издатели не раз уговаривали проиллюстрировать ее стихи. Мне всегда было нелепо отказывать, объясняя, что иллюстрировать поэзию невозможно. И тут неожиданно возник замечательный издатель Вадим Юрьевич Солод. В переговорах с ним давно брезжущая идея взять уникальный тарусский цикл Беллы — этот шедевр и не пытаться буквально изобразить сюжеты стихов, а использовать принцип параллельного хода (просто порисовать Тарусу, любимые обоими места, сделать наивные акварели, портреты Беллы) перестала казаться безнадежной. Как всегда при издании Беллы, множество стихов отыскалось почти из тлена, из ничего. Они были на каких-то листочках, обрывках, у полужаных людей. Она же все с легкостью отдаст. Такая безалаберность! Кому, что подарено, где забыто — наплевать. Сколько живем — столько собираю ее архив. Когда мы познакомились, какой-то коллекционер — страстный, сумасшедший, маньяк! — выпрашивал у нее амбарную книгу, в которой Белла писала стихи. И она отдала этот альбом. Я возмущился: «Так не пойдет! Давай пополам». Короче, разорвал альбом. Надо было вообще ему ничего не отдавать. Но мужик оказался просто идиот, мертвой хваткой вцепился. А у меня не было никаких прав. Мы с Беллой только неделю, даже меньше знали друг друга».

в: Белла Ахатовна, кого из современных поэтов вы выделяете?

о: Я не всё читаю из-за зрения, поэтому не берусь быть судьей. Но никто ничего не знает. Возьмите начало XIX века. Есть знаменитый поэт Василий Львович Пушкин. Есть, разумеется, Державин. Жуковский. А какой-то мальчик ходит себе. Какой-то мальчик ходит. Настоящий Пушкин. И всё счастье состоит в нем. Сегодня, думаю, тоже кто-то ходит. Или его мама — беременная. Надо претерпеть некоторое время. И это будет чудо.

в: На ваш взгляд, большой поэт может жить в мире с самим собой?

о: Я полагаю, такое невозможно. Хотя это самое желанное для поэта.

в: Но на свете счастье есть?

о: «...нет воли, нет покоя, а счастье — точно есть».

Полную версию интервью читайте на сайте www.izvestia.ru